

ЧАСТЬ IV. НАУКА И ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Карпов Виктор Константинович

ИННОВАЦИОННЫЙ СЦЕНАРИЙ РАЗВИТИЯ АПК И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Ключевые слова: инновационное развитие, устойчивое развитие села, семейные фермы, кооперативы фермеров, социально-экономическое бизнес-проектирование, пилотный проект, агрогородок фермеров.

Обеспечение инновационного и устойчивого развития АПК и в целом сельских территорий России связано с настоящей необходимостью пересмотра научных основ и положений аграрной экономики, аграрной политики и программно-целевого метода его планирования ввиду отсутствия необходимых результатов и отдачи в действующей практике развития страны и её регионов. Выход возможен в развитии инновационного бизнес-проектирования сельских социально-экономических комплексов в виде агрогородков фермеров и сельских предпринимателей и прилегающей к ним сельской территории. Ориентация развития АПК России на преимущественный экспорт готового продовольствия позволит многократно поднять его валовой продукт и на этой основе обеспечить рост доходов сельского населения до мирового уровня ведущих стран и соответствующий высокий уровень его жизни. Это также обеспечит наиболее равномерное и плотное заселение сельских территорий страны и более эффективное использование её природных ресурсов. Приведён пример бизнес-проекта создания и развития агрогородка фермеров «Артёмовский» для одноимённого городского округа в Свердловской области. Данный проект также применим и для организации агрогородка казаков станицы «Егоришинская», что имеет большое значение для освоения и заселения казачеством новых или неиспользуемых сельскохозяйственных земель и ресурсов, в том числе в отдалённых и приграничных районах страны.

Keywords: *innovative development, sustainable rural development, family farms, cooperatives of farmers, the socio-economic-bines design, pilot agro-town farmers.*

Providing innovative and sustainable development of agribusiness and rural areas in general, Russia is due to the urgent need to review the scientific basis and the provisions of the agrarian economy, agrarian policy and program-target method of planning because of its lack of results and impact in the current practice of the country and its regions. Output is possible in the development of innovative business of designing rural social and economic systems in the form of agro-towns of farmers and rural entrepreneurs and adjacent rural areas. Orientation of Russian agriculture in the primary export of the finished food will greatly raise its gross domestic product and on this basis to ensure the growth of rural incomes to the level of leading countries of the world and the associated high level of his life. It will also provide the most uniform and dense population of the rural areas of the country and a more efficient use of its natural resources. An example of a business project creation and development of agro-town farmers' Artiomovskiy "for the urban district of the same name in the Sverdlovsk region. This project is also applicable to the organization agrotown Cossack village «Yegorshinsky» that is of great importance for the development and settlement of new and unused agricultural land and resources, including in remote and border areas of the country.

Введение

Нестабильность мировой экономики и проблемы её развития, возникшие в России в свете последних событий и мер взаимного её противоборства с западным миром требует новых решений и новых организационно-экономических механизмов развития. Именно такие нетрадиционные решения и способны разогнать вновь её «буксующую экономику». Другими словами, кризис и нестабильность – удобное время для ускорения развития страны и даже её «экономического рывка». Агропромышленному комплексу (АПК) России также нужны новые организационно-экономические механизмы, т. к. существующие и уже использованные не дают требуемой отдачи, темпов и результата. В качестве нового механизма инновационного развития АПК России и её сельских территорий (СТ)

можно вполне использовать, по-нашему мнению, такой его сценарий, основными элементами которого являются:

- семейные фермерские хозяйства;
- кооперативные объединения семейных ферм различного уровня;
- агрогородки фермеров как социальная и территориальная основа устойчивого социально-экономического развития и самоуправления СТ.

Такой организационно-экономический механизм на основе агрогородков фермеров (АГФ) может быть реализован в рамках специального бизнес-проекта (БПр), который по началу может быть пилотным или исследовательским по своей сути. Это необходимо потому, что науки и научных основ проектирования таких АГФ сейчас пока нет и, даже, наоборот, кругом много всяких *псевдонаучных домыслов и мифов* на этот счёт. Подлинная Наука подобного бизнес-проектирования может быть создана только при конкретной научной работе по созданию агрогородка фермеров, его реализации и последующего его всестороннего мониторинга. Таким образом и будет складываться *«адекватная»* агроэкономическая Наука, которая по словам Президента РФ *«и не наблюдается ныне»*. Появятся при этом необходимые научные специалисты уже и в *«адекватном»* образовании: школах агробизнеса, системе агроконсультирования и в аграрных вузах.

В этом деле также сложился неверный стереотип: не учёные, в т.ч. и крупные, создают Науку, а скорее наоборот, Наука *как практическое дело* создаёт самих учёных и гарантирует их научный рост. И если их нет сейчас, то они могут появиться только в одном случае – при занятии Наукой *как практическим делом!* Реализовав крупный сельскохозяйственный БПр до создания инновационного производства, достижения заданного социального результат (успеха) и т.п., мы получим в итоге также требуемых нам сейчас учёных-специалистов разного профиля, управленцев и педагогов высшей школы. Имея сейчас, вроде бы их же, мы не можем сделать ничего практически, т.е. нет у нас настоящего научного дела и ничего остального: самой науки, инновационного сельского производства и села,

эффективного государственного управления и современного аграрного образования.

1.1. Научно-образовательный центр как инструмент научного и инновационного проектирования и реализации агрогородка фермеров

Для проектирования и реализации АГФ, считаем, необходим научно-образовательный центр (НОЦ) на основе временного научно-педагогического творческого коллектива (ВТК), который должен сформировать его руководитель как идеолог такого проекта, имея на это соответствующий заказ власти. Всякий нетрадиционный, крупный и значимый Проект требует такого его руководителя. По аналогии с оборонной сферой – Генерального Конструктора. Он его идеолог, создатель и руководитель. Иногда им просто назначают – история полна примеров подобного. Он несёт полную ответственность за успех Проекта. Предлагаемый нами НОЦ должен иметь в своём составе *научную часть* как научное его обеспечение и для формирования инновационного решения, и непосредственного проектирования и *образовательную часть*, которая поведёт подготовку, обучение, консультирование участников проекта на различных его этапах.

В её состав должна входить, например, бизнес-школа фермеров и сельских предпринимателей для обучения участников данного и других подобных Проектов, которую предлагается организовать, например, в г. Артёмовском Свердловской области или каком-либо другом месте реализации проекта. Но сам процесс обучения может иметь и другие места, и организации, и стажировки – вплоть до зарубежных. Работа научного центра предлагает полную его открытость как для освещения результатов, так и участия в работе его ВТК всех желающих. При этом будет приветствоваться любая форма участия, в т.ч. и заочная и, естественно, обмен научным и практическим опытом, методиками и сложение усилий участников для достижения общего результата и его распространения в других местах области и страны.

Основой успеха такого проектирования, по-нашему мнению, может быть только ориентация на инновационные решения и технологии, которые должны

лежать в основе малого сельского предпринимательства и в целом всей экономики СТ. Только они могут обеспечивать успех и высокую конкурентоспособность продукции СТ на рынках, включая мировой. Ориентация на успешный экспорт основной части сельхозпродукции и его обеспечение является основным трендом такого БПр и в целом развития российского села. При этом основной экономической ячейкой должны стать семейные фермы различного производственного и коммерческого профиля и их кооперативные организации и союзы снизу доверху и на их основе.

Однако в настоящее время положение в АПК и на СТ страны в целом по мнению академика И. Н. Буздалова характеризуется *«как системный структурный кризис, угрожающий продовольственной безопасности страны»* [2, с. 39–44]. И это несмотря на очевидное оживление в российском АПК и его «пищёвке», связанным с некоторым его оживлением на фоне предпринятых нами антисанкций. Но этот хозяйственный кризис он связывает в целом с кризисом экономической аграрной науки, находящейся в сильной зависимости и даже под диктатом аграрной политики, играющей здесь первую и руководящую роль. Именно от неё исходит *«взаимоисключающая разнонаправленность целей развития АПК и села и полная их декларативность»*, которые свойственны всем программным документам развития АПК страны и её регионов, а также СТ России в целом.

Об этом же говорят и пишут его коллеги из ВИАПИ им. А.А. Никонова РАСХН в итоговом отчёте за 2010 г., подводящем результаты их исследований за предшествующие 5 лет [7]. А это был период самого благополучного экономического положения в стране и АПК соответственно и больших возможностей его развития. Последовавшие затем кризисные годы должны были дать импульс для поиска новых методов, решений и механизмов в развитии селе, т.к. используемые ранее не оправдали себя и уже не дали ожидаемого от них результата. В развитие и подтверждение слов И.Н. Буздалова и его коллег из института можно привести много доводов:

– низкий уровень средней оплаты труда в селе, составляющей около половины от средней зарплаты (52%) по стране и её отраслям в результате чего СТ и

АПК страны стали местом с самой низкой зарплатой и доходами, и наибольшей концентрации бедного населения в стране (до 40%);

– низкая производительность труда в сельском хозяйстве, уступающая развитым странам существенно, а в ряде подотраслей – до 8–10 раз, что и является экономической базой низкой оплаты труда на селе в целом и результатом отсутствия эффективных мер со стороны отраслевых и государственных органов по её интенсивному росту в предстоящий период и в соответствии с принимаемыми повсюду Программами и Стратегиями развития АПК, села и продовольственных рынков в регионах. Так, например, в аналогичной госпрограмме Свердловской обл. до 2020 г. предусмотрено создание всего 2,63 тысяч ВПРМ – высокопроизводительных рабочих мест на селе, а общий рост производительности труда к 2020 г. планируется повысить только на 70% (!?);

– крайне низкий уровень развития фермерства и малого сельского предпринимательства, отсутствие в связи с этим на СТ полноценного и экономически дееспособного сельского среднего класса. Так в Свердловской области количество фермерских (крестьянских) хозяйств составляет чуть более 700, что, например, в 90 раз уступает численности их в соседней Финляндии, соизмеримой с областью по численности населения, площади и природно-климатическим условиям, но прямо с диаметрально противоположными результатами по уровню их развития, доходам и качеству жизни сельского населения, а также и по обеспечению ими продовольственной безопасности региона;

– низкий уровень развития сельской экономики, её эффективности и конкурентоспособности на внутреннем рынке и полное отсутствие экспорта с недопустимо высокой зависимостью от импорта продовольствия. Так Финляндия кормит, например, своим молоком и молочными продуктами Европу, мир и Россию (известный молочный её концерн «Валио» - кооператив 10 тысяч семейных молочных фермеров), а соседняя с ней Карелия – откровенно депрессивный сельскохозяйственный регион России;

– высокая импортозависимость страны в целом ряде продовольственных товаров при недостаточном их производстве в стране и при наличии у нас для этого

всех возможностей. Так производство молока и молочных продуктов в значительной мере покрывается импортом. А также многих продуктов, включая мясо, рыбу, овощи, фрукты, вина и т.д.;

– Россия *экспортирует* практически один вид сельхозпродукции – *зерно пшеницы* и то с большими издержками и крайне неэффективно, т.к. одновременно в больших количествах завозит *по импорту* дорогостоящие продукты глубокой переработки этих зерновых культур в виде крахмала, глюкозы, фруктозы, клейковины и других производных от них продуктов;

– сложилась недопустимо большая зависимость сельского производства от импорта различных семян, пород племенного скота и птицы, химических средств защиты, ветеринарных препаратов, специальных и добавок и т.п., и многого другого; во многом нарушена племенная и селекционная работа в целом и т. д.

По мнению академика, *аграрная политика* подменила собой *аграрную экономическую науку* и диктует обществу *ложные цели и пути развития* и сама же оценивает их результаты, как, и следует ожидать, – «в целом положительные, но с рядом недостатков», которые если «поднажать», то будут вскоре устранены. На это и направлена в основном вся государственная политика в данной сфере экономики и в социальном развитии.

Однако итоги и выводы Госсовета при Президенте РФ от 21/04-14 г. [3], вроде, *многое* поставили на свои места. Особенно показательно в этом отношении выступление Президента РФ, в котором экономическая наука в целом и аграрная экономика в частности охарактеризована как «*неадекватная*» уровню стоящих и решаемых задач и состоянию развития АПК и СТ в целом. Вина за это возложена непосредственно на РАН, её региональные экономические институты (Карельский, в их числе) как *несостоятельные* и вполне «заслуживающие ту реформу, которая с ней происходит». Далее им вполне очевидно раскритикована вся «цепочка» – до экономического государственного управления («*управленцев*») и высшего образования, готовящего кадры экономистов и других гуманитариев, как для науки, так и для сферы управления, по «*устаревшим образова-*

тельными стандартам» [6]. Также Президент впервые дал глубокую и системную оценку состояния дел в аграрном секторе экономики страны, её управлении и системе подготовки для них кадров специалистов и учёных. Такой современной системы у нас нет и в этом корень многих бед и проблем.

Этой оценке Президента предшествовало ещё несколько лет назад мнение ректора ВШЭ Я.И. Кузьмина, который также даёт низкую оценку российской экономической науке в целом, а *«среднее её состояние характеризует как очень тяжёлое»* [4]. Беду современной экономической науки он видит в необъективной статистике советского периода, которая и породила *«такого рода псевдонауку»*, которая *«сейчас охватывает больше половины людей, аттестующих себя как экономистов»*. И далее он говорит: *«мы живём в условиях экономики, которую во многом «просчитывают» авторы псевдо или купленных диссертаций»*.

Существующая же экономическая наука неадекватна и недееспособна, а главное – не даёт требуемого результата в развитии села и СТ. Это в первую очередь относится к аграрной экономике, являющейся основой сегодняшнего экономического управления в АПК и современного аграрного образования. В этом триумvirате – наука-производство-образование, ведущая роль должна принадлежать Науке, но она при этом не должна быть *«декларативной»*, лозунгово-призывной и живущей навязанной ей аграрной политикой системой давно устаревших (и надуманных) лозунгов и *«мифов»* вроде:

– *«особого пути»* российского крестьянства, отличного от других стран и их экономик;

– *«фермерство»* - не для нашего российского села;

– *«сельский труд – самый дешёвый труд»*;

– *«высокая капитализация, механизация, энерговооружённость и т.п.»* – единственная и бесспорная основа интенсивного пути развития АПК;

– *«необходимость сохранения повсеместно традиционного российского села и сельского быта»* и традиционной формы заселения территории (сёла и деревни) и другие.

В итоге всего этого *главная цель*, провозглашаемая во всех Программных документах развития АПК в виде обеспечения продовольственной безопасности страны (или даже региона), остаётся недостижимой уже последние 100 лет, включая и 25 – постперестроечных, с тех пор как «*российское крестьянство*» *закончилось как класс*. А его нет уже 100 лет! Отсюда и происходят системно и неотвратимо все наши «*аграрные беды*» и наша полная зависимость от продовольственного импорта. Страна, «набитая нефте- и газовыми долларами», богатейшими природными и сельскохозяйственными ресурсами в очередной раз *ищет* сейчас (в 2015 г.) в мире поставщиков недостающего нам продовольствия.

О каком «*российском селе и традиционном сельском быте*» идёт речь? Что видят за этими словами очередные «*устроители села*»? Это может быть то, что ещё из пушек расстреляно при подавлении крестьянских восстаний в 20-х годах прошлого века в Советской России? Российское село в современном виде только стало складываться в ходе успешной аграрной реформы Столыпина, но его перечеркнула гражданская война и советская власть. *Оно просто не успело состояться*. Сохранять-то традиционного нечего. И Программы о сохранении его и традиционного сельского быта пишут люди, которые никогда не пошлют своих детей и внуков жить и работать там. А надо-то делать как раз наоборот: разрабатывать и осуществлять на селе такие Программы развития, куда стремились бы, в первую очередь, собственные их (и наши) дети, потому что там не только должно быть хорошо, *но там должно быть лучше, а главное, богаче жить, чем в городе*.

1.2. О научности аграрной экономики

Необходимо также остановиться на *научности аграрной экономики* и возможности исполнения ею ожидаемых от неё функций как методологической базы. Известно, что перед принятием аграрной реформы Столыпина ей предшествовали в стране обширные и длительные научные исследования существовавшей и развивавшейся после отмены крепостного права российской сельской экономики. Этим, кстати всю жизнь, очень активно занимался дядя Столыпина Дмитрий Аркадьевич Столыпин и в целом вся российская наука. Именно он и

его сторонники пришли в рамках длительной научной дискуссии с их оппонентами к выводу о более высокой экономической эффективности личных (*хуторских*) хозяйств сельских граждан по сравнению с сельской общиной и крупными дворянскими хозяйствами и капиталистическими землевладениями. Этот вывод был ими сделан на основе длительных, многолетних исследований и реальных экономических расчётов, а также многочисленных хозяйственных экспериментов, с обработкой и сбором большого статистического, социологического и другого объективного материала. Результаты этих исследований были опубликованы в виде многих научных трудов и в целом ряде публикаций в научной отечественной и зарубежной литературе, в периодических изданиях. Эти исследования, производственные и социальные эксперименты Д.А. Столыпиным и его сторонниками, и *оппонентами* проводились на протяжении почти 30 лет до 1893 г., создав современную для того времени *аграрную экономическую науку и сельскую социологию* [10, с. 640].

Собрав материалы 20 лет исследований, Д. А. Столыпин пишет обзор «Наш земледельческий кризис» (1891 г.), в котором доказывает, «что падение производительности труда, малоземелье, низкая культура полей, плохая оплата вложенного в них труда, бедность крестьян, их классовая злоба во многом проистекает из отсталого общего пользования. Требуется более эффективное землепользование». Сделав однозначные выводы в пользу хуторской системы и личного землепользования (и владения), он подтвердил это десятилетними производственными экспериментами в собственных и других имениях во многих губерниях России. Важно также, что они были максимально публичными для всего российского общества и выполнялись с широким привлечением научных кадров и организаций того времени как его сторонников, так и его оппонентов. Он также впервые поставил (ещё в 1869 г.) вопрос *об организации государством переселения крестьян на свободные земли за Урал*. Он считал, что *туда поедут в основном инициативные и предприимчивые люди, их надо поддержать и тогда выиграют все, и страна в целом!* При этом он был убеждён, что *социальные задачи развития села должны решаться одновременно и на научной основе* [10, с. 640].

Таким образом, в начале 90-ых годов XIX века в России сложилась наука *социально-экономического* преобразования и дальнейшего развития сельского хозяйства, с которым в стране было связано 85% её населения. И это во многом плод усилий и систематической научной деятельности дяди П.А. Столыпина, Д.А. Столыпина, которой он посвятил всю свою жизнь.

И сам П.А. Столыпин – будущий реформатор России приехал в 1889 г. в Ковенский (ныне *г. Каунас*, Литва) уезд предводителем местного дворянства и председателем Ковенского суда мировых посредников, а также в своё имение (поместье) площадью 855 десятин. Т.е. он был *практическим крупным землевладельцем и хозяйствующим сельхозтоваропроизводителем* того времени, имея также ещё несколько других поместий в разных губерниях России. Он самым активным образом включается в жизнь уезда и, в первую очередь, в сельское хозяйство, руководя естественно и своим поместьем. Он не только глубоко постигает и изучает его проблемы, но начинает сразу же претворять в жизнь прогрессивные, по его мнению, дела. Так он создает уездное *сельскохозяйственное общество и склад сельскохозяйственной техники*, стремясь практически повысить культуру земледелия, поднять его производительность и эффективность. Он начинает создание *сельскохозяйственной школы с большим интернатом* для подготовки квалифицированных сельских кадров и обучению их новейшим технологиям и организации сельского хозяйства. При ней планировалось иметь образцовую ферму с конюшнями для *обучения будущих скотоводов*. После скорого перевода Столыпина на другое место его план успешно осуществит его преемник – *хорошие идеи легко приживаются!* (Это же очевидный и наглядный пример современного сельского бизнес-инкубатора!)

При этом он уже в 1889 г. делает ещё один знаменательный шаг для будущих своих реформ: по его почину в г. Ковно был построен *Народный дом* со столовой, гостиницей, библиотекой, читальным и театральным залами, где силами местных актёров устраивались спектакли, народные балы, первые сеансы кино и т.п. Это уже *реальная практика социального преобразования* народной

жизни совместно и одновременно с экономическими преобразованиями, составляющая суть того *социально-экономического развития* [10, с. 640], которое до сих пор ускользает от нас, нынешних властей и науки, и никак не поддаётся *нашему планированию, программированию* и т. п. Отсюда начнётся его реальная общественно-государственная практика и работа в социально-экономическом преобразовании руководимых им территорий и губерний. Далее он будет губернатором Гродненской, а затем и Саратовской губернии. Его метод эффективен и продуктивен: *изучай и преобразуй*. Безусловно, он приходит в своей деятельности не на «голое место». Наука того периода много сделала для анализа ситуации и предстоящих преобразований, а он за 15 лет, предшествующих реформам, проходит богатейшую общественно-государственную практику хозяйствования и социального развития села и практического собственного «бизнеса».

П.А. Столыпин, по-нашему мнению, внесёт в Науку государственного управления (стратегического менеджмента как сейчас бы сказали) *свою науку и практику*, успешно реализует её, но так и *останется непонятым обществом* и даже в чем-то им отвергнутым. И это продолжается до сих пор! При этом одновременно продолжают (уже целое столетие!) и *наши неудачи* в тех сферах экономики и социологии, в которых он нашёл уже тогда успешное, эффективное и практическое решение. Науке известен и в ней широко используется исторический метод исследований, входящий в её научный арсенал. Им широко пользуются при изложении, например учебных курсов по экономическим дисциплинам. Так изложение экономической теории авторы добросовестно начинают с анализа меркантилизма и даже более ранних экономических воззрений и учений, и т. д., вплоть, до самых современных. Это обычно, нормально и даже требуется при выполнении любой научной работы.

Но занимаясь современной проблемой АПК России, мы вдруг поступаем совсем *антиисторически*: для нас как бы не существует аграрной экономики России XIX века и предшествующего аграрной реформе Столыпина её важнейшего и очень продуктивного периода. Сама же эта столыпинская аграрная реформа в экономической науке представлена в виде своеобразного *клубка штампов*

(клише) и поверхностных заключений. Ими наполнены рефераты студентов, диссертации магистрантов, аспирантов, докторантов и т.п. Но у них же есть ещё преподаватели, научные руководители, рецензенты, оппоненты и т.п. Даже представляется, что выстроена какая-то система отторжения и неприятия П.А. Столыпина, а главное его идей, методов, механизмов в решении важнейших проблем нашего государства, решений успешных ранее и адекватных для нашей нынешней страны.

Именно в тот период в России сложилась и развивалась, эффективно и рыночно высококонкурентная сельская экономика, которая успешно и за короткое время вышла на мировой рынок продовольствия. Задача, которая нам сейчас *никак «не даётся»*. У нас сельское население «бежит» в город, брошены пахотные земли на десятках млн. га, снижается население (и заселение) Сибири и Дальнего Востока, село беднеет, исчезают высокими темпами личные подсобные хозяйства (ЛПХ) селян как потенциальная основа успешного фермерства и устойчивого развития села.

При Столыпине же в Сибирь организовано с помощью государства переезжают жить и работать на новые земли, успешно осваивая их, миллионы крестьян центральных районов России. Строится Амурская железнодорожная магистраль и Китайско-Восточная железная дорога в Манчжурии (Северный Китай) и бурно одновременно развиваются экономически прилегающие к ним территории, в том числе и сельское хозяйство. Быстро и энергично, на высокой научной и профессиональной основе реализуются такие большие социально-экономические Проекты, благотворное влияние которых сказывается и до сих пор. Россия уверенно завоёвывает международные рынки зерна, сливочного масла, мёда и других продуктов, уверенно обеспечивая себя всем необходимым продовольствием. В то же время, например, реализован Проект по развитию хлопководства в Средней Азии и импортозамещению хлопка из США с развитием российской текстильной промышленности на его основе, ставшей ведущей в Европе. В стране создана система аграрного образования и аграрной науки. Россия – при-

знанный лидер в мире в сфере развития кооперации, особенно сельского населения и его хозяйств, охватившей *более его половины*. Сейчас же мы не можем продвинуть её даже на несколько процентов ($< 1,5\%$). В стране в тот период бурно развиваются все атрибуты и институты свободной, рыночной и демократической экономики, а также массового и мелкого предпринимательства (личных хозяйств), которое являющегося «ахиллесовой пятой» нынешней нашей экономической действительности. И как результат всего через 4 года после начала реформ (1910г.) Россия имеет уже профицитный госбюджет и так – до начала Первой мировой войны.

При этом П.А. Столыпин подчёркивает, что такой высокий результат достигнут при *относительно небольших затратах государства на эти цели* и совсем не ставит *успех развития* в зависимость от требуемых для этого больших инвестиций и необходимости обязательного привлечения крупного зарубежного капитала [10. с. 640]. (Мечта же наших нынешних руководителей – иметь свой «солидный инвестиционный портфель»).

1.3. О «традиционности» российского села

Кстати уже тогда начинает складываться новое российское «хуторское» село и разрушаться *старое общинное, т.е. традиционное*. В ряде мест с наиболее высокими темпами хода аграрной реформы *социум сельских общин* быстро и без большого сожаления селян превращался в *хуторской* с более богатой жизнью и *более лёгкой работой* ввиду её очевидной рациональности и удобства. Тогда же в подтверждение этого говорили, подчёркивая разумность происходящего переустройства: «не успели колёса телег второй раз смазать (*дэгтем*), а снопы-то уж все перевезли!» [10, с. 640]. И никто об утраченной традиции убогости, бедности и т.п. не жалел, даже о *церквях и погостах*. Также легко переезжали и в Сибирь, и на Дальний Восток – к лучшей и богатой жизни. Это стремление – к лучшему и хорошему всегда было и остаётся важнейшим стимулом и организатором нашей жизни. Именно в этом плане *народные традиции непоколебимы*. Это и надо ставить в виде главной цели современного развития села: *лучше и богаче!*

Замена деревень (и сёл) на хутора тогда соответствовала более прогрессивной сельской экономике, пришедшей на смену сельской общине. Хутор стал богаче, благоустроенней, насыщен хозяйственными постройками, техникой и т.п. Хутор – это *не просто маленькая деревня* – это более высокая ступень развития сельской экономики и уровень жизни крестьянина. И он даже сейчас сохранился в Прибалтике, странах Восточной Европы. И в них проживают более богатые по сравнению с нынешним российским селом единоличные сельские хозяйства, фермеры и т.п., но он уже тоже отживает «свой век», уступая место более эффективной производственной *семейной ферме* как в Финляндии, в Центральной и Западной Европе и, особенно, в США и Канаде.

Призыв к сохранению традиционного российского села и сельского быта не поддаётся разумному осмыслению и восприятию ни с каких-либо позиций и соображений. Возможно, у его сторонников оно представляется как «те же маленькие избышки на три окна» и сельские жители (в основном пожилые) приодетые в рубашки-косоворотки и сарафаны с кокошниками, которые с утра и до вечера развлекают приезжих туристов. А сколько им при этом платить? И кто это будет делать? Может быть так – чуть-чуть, дополнительно к пенсиям, прокормятся как-нибудь своими огородами, да «бурёнками». Традиционные российские деревни и нынешнее село были и остаются сегодня основной *«территорией бедности и даже нищеты»*. И сейчас это становится всё отчётливей: 40% бедного населения страны проживает именно там. И как только у него появляются средства, то сразу же селяне перестраивают свои убогие дома или строятся совсем заново и совсем даже «не по-деревенски», а с хорошим городским размахом или даже более того. К хорошему, как известно, привыкают быстро и прочно, а за *«традиционную сельскую нищету и коммунальное убожество»* никто и не держится.

Другой «руководящий тезис» нашей аграрной современности призывает сохранить все без исключения с.н.п., невзирая на их численность населения, наличие производств, социальное обустройство и т.п. А их в стране 143 тысячи. Это очень мало и в то же время очень много: важно, как на это посмотреть. Такое количество с.н.п. для нашей большой СТ очень мало и заселённость её ими

крайне низка. Например, в США на 5–6 млн кв. км СТ приходится около 2,2 млн семейных ферм и ранчо. Т.е. на одну ферму приходится *в среднем* 450 га земли. Практическая плотность заселения территории у них как минимум раз в 10–15 выше российской. Хотя сельские территории США считаются малозаселёнными и «пустынными», т.к. на них проживает всего менее 10 млн человек из 320 млн человек общего. При этом до каждой фермы проложена автодорога, действующая круглый год, и линия электроснабжения. У нас же до 50 тыс. с.н.п. нет круглогодичной транспортной связи, т.е. автодороги, как важнейшего атрибута современности и цивилизованности жизни и других её благ.

Нам тоже следовало бы иметь на наших СТ примерно такое же количество ферм (и фермеров) в количестве 2,2–2,5 млн хозяйств, равномерно рассредоточенных на СТ общей площадью до (7–8,5) млн. кв. км. или на 700–850 млн га, включая часть и лесных территорий. При этом заселённость (*плотность*) наших СТ возрастёт на порядок и более за счёт многократно большего количества ферм по сравнению с нынешними сельскими поселениями и до каждой также будет проложена автодорога и электросеть. Вся эта наша СТ при этом будет находиться в хозяйственном и экономическом использовании и обороте, принося высоких доход и уровень жизни сельскому населению.

Это может быть *разумной альтернативой традиционной заселённости СТ* России в виде деревень и сёл, которая экономически устарела и изжила себя ещё 100 лет назад. Так территория Финляндии площадью 350 тыс. кв. км «заселена» примерно 70 тыс. семейных ферм, что только в два раза меньше общей численности с.н.п. России, а в среднем на каждую ферму приходится территория около 500 га с учётом леса. Таким обр., выбор сценария социально-экономического развития России в аграрном секторе её должен происходить не на основе отжившего давно традиционного с.н.п. (села и деревни), а на более адекватном современным экономическим реалиям и эффективном сельском поселении в виде производственной семейной фермы, расположенной вблизи центров социального и экономического развития в виде современных агрогородков фермеров и сельских предпринимателей с численностью не менее 2–3 тыс. жителей.

Кроме того, попытка развивать в социальном плане большинство из имеющихся сейчас 143 тыс. с.н.п. представляется нам задачей *экономически нереальной и неосуществимой*. Например, только для обеспечения круглогодичной транспортной доступности до 50 тыс. с.н.п., не имеющих её на сегодня, потребуется строительство 500 тыс. км автодорог с твёрдым покрытием, что превосходит по протяжённости всю имеющуюся дорожную сеть страны. Но её мало построить, потратив на это: $(20\text{--}40 \text{ млн руб./км}) \times 500\,000 \text{ км} = (10\text{--}20) \text{ трлн руб.}$, их ещё, а также уже имеющиеся сельские дороги до остальных 93 тыс. с.н.п., надо ремонтировать и содержать в надлежащем состоянии. При существующем нормативе: около 1,2 млн руб. – год/км $\times 1\,500\,000 \text{ км} = 1,8 \text{ трлн руб./год}$ – это будет необходимая ежегодная сумма средств только на эти цели. Сравните её со средствами государства на поддержку АПК и села и поймёте её неподъёмную величину и бессмысленность.

Таких денег у государства нет и никогда не будет, поэтому такой сценарий развития АПК и СТ и не реализуем. Кроме того, развитие и содержание социальной инфраструктуры на селе обходится бюджету многократно дороже, чем в городе, особенно крупном, а качество социального обеспечения будет там заведомо и несравненно ниже городского уровня *всегда*. Попытаться создать такую систему даже в большинстве нынешних с.н.п. экономически нереально и нецелесообразно, да и *не получается никак*. Заметим попутно, что в период столыпинской агрореформы и заселении вновь огромных территорий страны проблемы строительства сельских дорог и транспортной проблемы никогда не стояло и государство на эти цели особенно не тратилось. Но экономика и социальная среда успешно тогда развивались. Может быть стоит вначале разобраться, как это достигалось, а не стремиться бросать на её решение огромные государственные средства.

Экономический сценарий эффективного развития СТ России таким образом должен состоять в том, чтобы «убрать оттуда» как можно больше населения в города как это и происходит в развитых и развивающихся странах мира: в США –

9 млн человек сельского или 3% общего населения, в Финляндии – 270 тыс. человек или 5,4% и т. д. *«Дорогое для государства»* сельское население целенаправленно и экономически объективно «сводится до минимума», но оставшемуся жить и работать там обеспечиваются доходы, превосходящие в среднем городской уровень: в США – это *в 2 раза в среднем больше* [10, с. 6–12]. Меньше сельское население – значит надо меньше сельских школ, сельских больниц, сельской полиции, пожарных и т.д., которые многократно *дороже «городских»* и требуют для себя также сельских льгот и повышенной оплаты своего труда – иначе туда просто никто не поедет жить. Социальное обслуживание сельского населения должно быть сосредоточено в соседних городках в более укрупнённом, экономичном и в более качественном варианте. Если представить, что до 500 семейных ферм будет социально обслуживаться в одном ближайшем к ним агрогородке – месте из совместного проживания, то на 2,5 млн потенциальных ферм в стране понадобится около 5 тыс. таких городков. Это в 20–25 раз меньше всех имеющихся сейчас в стране традиционных с.н.п. Развитие и содержание такого небольшого количества сельских агрогородков становится для общества уже экономически реальной задачей, тем более, что многие из них уже имеются в виде сегодняшних с.н.п. и уже с достаточно развитой социальной сферой.

1.4. Крупные сельские хозяйства или семейные фермы и система их оценки

Следующим аспектом этого сценария должна стать *минимизация требуемых капитальных вложений* на развитие СТ и их экономику со стороны государства и инвесторов. При этом также следует отказаться от привлечения на них *крупных инвесторов, в т.ч. (и даже в первую очередь) иностранных*. Очевидно, что они придут туда (на село) только в двух случаях:

- при *дешевизне* получаемых в пользование природных и сельхозресурсов по сравнению с другими странами;
- при *дешевизне «сельского труда»*, в роли которого будет местное население или «привозное» – для работы у них «по найму» и т.п.

В России нет примеров, когда крупный инвестор, привёзший, например, из Канады (или Голландии) современную технологию сельхозпроизводства, стал

бы платить работающему на ней персоналу «канадскую» (по размеру) зарплату, например, в 70–100 тыс. руб./месяц или более. Такого нет нигде. Так УГМК, уже имеющая в своём составе специализированное агроподразделение–УГМК-АГРО, на своём животноводческом комплексе «Патруши» платит персоналу нижнего и среднего (наиболее массового) звена настолько низкую зарплату, что работников туда набирает уже только на соседних депрессивных территориях Курганской обл. – местные и в округе уже давно отказываются работать у них. Всё это происходит при этом «под разговоры» об объективно высокой себестоимости производства у нас сельхозпродукции, особенно животноводческой. Так и хочется задать вопрос: если не умеешь производить продукцию по приемлемой цене – зачем вообще за это дело браться? Умеешь хорошо производить медь, и продолжай это – *свой профильный бизнес*. Но в условиях монополизации рынка крупными СХТП, высоких и постоянно растущих цен на продовольствие соблазн работать в этой сфере экономики появляется у многих: УГМК, Газпром, «Молочный продукт» из Рязани, зарубежные фирмы и т.п. При этом они полностью «перекрывают» выход на рынок малых сельских производителей и фермеров, способных работать на более низком уровне себестоимости и цен на продовольствие и даже успешно выйти с ним на мировой рынок при высоких собственных доходах.

Крупный сельскохозяйственный инвестор строит большие как говорят при этом, «современные предприятия», да ещё добавляют для пущей важности: «научоёмкие» или «роботизированные» и т.п. Между тем, бездоказательно провозглашённый кем-то и подхваченный сельскохозяйственной наукой как объективная научная истина эффективности производства, принцип его необходимой «концентрации» до максимально возможного уровня давно уже «соседствует», например, в США и других развитых странах с принципом «рассредоточения» производства в АПК, особенно в его *био- и органической составляющей части* как наиболее экономически разумное их сочетание для извлечения максимальной выгоды и конкурентных преимуществ. Это касается даже птицеводства, где

максимальное качество продукции, её экологичность и высокая конкурентоспособность достигается только при разумном и экономически обоснованном *сочетании этих принципов*. При этом откорм бройлеров ведётся на семейных фермах в условиях их *бесклеточного содержания* с 100-тысячным поголовьем в год и при достижении высоких («по-американски») доходов фермеров-птицеводов. (Кто же будет иначе жить на этих удаленных от цивилизации сельских фермах)!

Так крупная птицеводческая фирма в США с годовым производством в 40 млн бройлеров в год даёт работу ещё 400 семейным фермерам, а *не наёмным работникам* как у нас [1, с. 528]. *Разница, как говорится, очевидная*. В целом же при такой организации птицеводства достигается снижение себестоимости производства продукции (птицы) в результате экономии больших средств на дорогом в США ветеринарном обслуживании и ветеринарных препаратах, необходимых в большем количестве в условиях промышленного и клеточного содержания бройлеров по сравнению с фермерским. Т.е. цена продукции становится ниже, а качество её при этом заметно улучшается: их курицу, как говорят, можно есть и *«без кетчупа»* – в этом состоит стержень их рекламы и *высокого спроса* на их качественную продукцию. И он действует безотказно, особенно вместе с пониженной ценой. Как видно из примера, фирма получила конкурентные преимущества на рынке за счёт инновационных решений в организации птицеводства и отказа от традиционного промышленного содержания и выращивания бройлеров в условиях их высокой концентрации (экономически, на первый взгляд, более выгодной, вроде бы), но которое в данном случае, наоборот, резко ухудшает экономические показатели и её конкурентоспособность. Предпринимаемые при этом усилия для создания каких-то исключительных условий содержания: искусственный климат, освещенность, стерильность, высококачественный корм и вода и т. д. и т. п. – всё это приводит к *обратному результату*, т.е. продукция становится очень дорогой и *невкусной*, и её уже невозможно есть *без кетчупа*. Потребителю же нет дела до «высокой наукоёмкости» той или иной продукции и особенно продуктов питания. Высокая цена – лишнее свидетельство как раз их «не научности».

«Прогресс и уровень развития производства определяется не его механизацией и даже не роботизацией – это есть *увеличение его продуктивности при минимуме затрат*» [1, с. 528]. Кроме того, крупные СХТП и животноводческие комплексы (ЖК) создают большие проблемы и риски в плане экологии и даже безопасности для окружения, включая здоровье сельского населения. Об отрицательных последствиях, особенно экологических, наших крупных животноводческих комплексов хорошо известно и много говорится. Однако у нас повсеместно считается (*официально*), что чем крупнее сельхозпроизводство, тем лучше! Но на этот процесс следует взглянуть, по-нашему мнению, и с других точек зрения.

К важнейшим критериям-оценкам эффективности развития сельских территорий и АПК России можно отнести следующие.

1. Качество сельскохозяйственной продукции и продовольствия на её основе, соответствующее нормативным требованиям.
2. Стоимость (и её основа - себестоимость) сельскохозяйственной продукции и цена продажи продовольствия.
3. Доходы производителей сельхозпродукции и её переработчиков на продовольствие, а также её продавцов как составных единого комплекса в продовольственном снабжении населения.
4. Капиталоёмкость развития сельской экономики и её инвестирования.
5. Размер государственной поддержки развития сельской экономики.
6. Уровень (доля) экспорта сельхозпродукции и готового продовольствия.
7. Экологическое качество продовольствия и его производства.
8. Продовольственная безопасность населения страны.
9. Уровень жизни и доходов сельского населения.
10. Заселённость сельских территорий России и их устойчивое развитие.
11. Развитие и роль биоэнергетики сельских территорий.
12. Уровень социального развития СТ и с.н.п.

13. Другие: энергоэффективность АПК, транспортная инфраструктура СТ и доля транспортной составляющей в себестоимости и цене готовой продукции СТ в плане их сокращения и минимизации.

Наличие большого числа значимых и важных оценок (факторов) затрудняет задачу оптимизации исследуемого процесса – развития АПК и в целом сельских территорий страны. Значение и величина этих факторов будут в наибольшей степени влиять на успех развития, его качество, темпы и результаты. А какими они должны быть при этом? Каков вес и взнос каждого?

Ввиду сложности такого анализа и неясной «весомости» этих различных факторов и вклада каждого в конечный итог, по-нашему мнению представляется возможным другой методологический подход. Для оценки качества и эффективности развития сельских территорий можно использовать *сценарный метод* (или подход) с качественным анализом влияния тех или иных вариантов развития на оценочные факторы и их общий итог или их соотношение.

Тем более, что пока можно ограничиться только двумя принципиально разными сценариями: *развитие сельских территорий на основе крупных сельхозорганизаций и агрохолдингов (КСХО) или на основе преимущественного развития семейных ферм и их кооперативных объединений (КСФ).*

Анализ этих двух «сценариев» развития показывает, что КСХО по всем оценочным показателям проигрывает кооперированному семейному фермерству (КСФ). Его результаты более наглядно можно продемонстрировать в виде таблицы.

Таблица

Оценки критериев развития АПК и СТ по двум их сценариям

	<i>Показатели (критерии)</i>	Крупные СХО	КСФ
1	Качество продукции	снижается (–)	высокое (+)
2	Стоимость (и себестоимость)	высокая (–)	снижается (+)
3	Доходы производителей	низкие (–)	высокие (+)
4	Капиталоёмкость развития	высокая (–)	низкая (+)
5	Размер господдержки	высокий (–)	низкий (+)
6	Уровень экспорта продукции	низкий (–)	высокий (+)
7	Экологичность продукции	низкая (–)	высокая (+)
8	Продовольственная безопасность	низкая (–)	высокая (+)

9	Заселённость СТ России	низкая (-)	высокая (+)
10	Уровень жизни сельского	низкий (-)	высокий (+)
11	Развитие биоэнергетики СТ	низкий (-)	высокий (+)
12	Социальное развитие СТ	низкое (-)	высокое (+)
Другие		(-, -, -)	(+, +, +)

Государство может именно КСФ (*как и в США сейчас, и ранее в России*) объявить совершенно обосновано наиболее приемлемым, главным и основным сценарием для устойчивого развития сельских территорий и поддерживать его всесторонне и преимущественно. Только в этом случае на селе может появиться многочисленный и состоятельный средний сельский класс, которого никогда не будет при развитии КСХО. Именно по состоянию этого массового среднего класса властям надо оценивать успехи своей аграрной политики, а также при условии обеспечения всего населения страны качественным и доступным питанием при минимальной доле затрат на него семейного бюджета в среднем не более 10–12% (как в мире), а не 40% и более как сейчас у нас.

Развитие села преимущественно через КСХО приведёт к целому ряду очевидных уже сейчас и неизбежных в будущем негативных социальных последствий и непроизводительных затрат средств (бюджетов) всех уровней и налогоплательщиков непосредственно. Вследствие этого, данный путь не приемлем для наших Программ развития сельского хозяйства и АПК в целом. Он приведёт, как это и показывает нынешняя практика, к безудержному росту стоимости продовольствия, питания в целом и к снижению по этой причине продовольственной безопасности населения и страны, уровня и качества его жизни. Экономической сутью здесь является «перекачка» государственных средств и денег населения в пользу крупных СХО и их хозяев, обеднение сельского населения и вынужденный его «сход» с сельских территорий, сокращение числа ЛПХ граждан, резкое сокращение объёмов сельской экономики (непосредственно работающей на СТ) и многие другие негативные факторы и итоги.

Оба эти сценария являются диаметрально противоположными по своей сути: «наёмный» труд и труд «на себя». Комбинировать из этих двух вариантов какой-то третий, вряд ли разумно, так как КСХО и их принципы (и механизмы)

всегда будут вносить *негативную составляющую* в процесс сельхозпроизводства и эффективного обеспечения населения продовольствием. Крупный сельский капитал всегда будет паразитировать на *«дешёвом сельском труде»*, присваивая большую часть его себе. Это составляет его основу, это самое лёгкое, что может сделать предприниматель-монополист и делает это у нас постоянно. Во всех других случаях для выживания на рынке нужны *«мозги»* – там ведь конкуренция, там борьба с себе подобными и равными. А это сложно для крупного капитала и опасно, *говорят «возникают риски»!* В качестве примера такого анализа можно рассмотреть реальные КСЗО и КСФ по п. 4 вышеуказанной таблицы – *капиталоёмкость развития*.

Так, например, введённый в эксплуатацию молочный комплекс в с. Позариха, Каменского района Свердловской области в декабре 2013 г. численностью в 1190 голов с годовым производством молока – 3 650 т стоил 679 млн руб. по капвложениям, в том числе 280 млн. руб. – *из бюджета или 41,24%*. Строительство одного скотоместа обошлось здесь в 570 тыс. руб. (!). Но бывает и выше. Если эти капитальные вложения перенести на продукцию – молоко в течение 10 лет, то их составляющая в себестоимости молока составит 18,6 руб./кг, что больше закупочной цены на молоко, составлявшей в области в 2013 г. 16,96 руб./кг. В год планируется производить здесь в перспективе свыше 5100 т молока и создать 50 новых рабочих мест *с низким уровнем их зарплат*. О какой эффективности подобной экономики можно в этом случае говорить? И можно ли с помощью *«подобной экономики»* инновационно и устойчиво развивать село и в целом сельские территории России и кормить её население? А можно ли такую «экономику» назвать вообще экономикой или *это уже нечто другое?*

Всё это к тому же *«преподносится обществу»* под знаком «необходимости обеспечения продовольственной безопасности», т.е. вполне вроде государственно благородного дела. На этот счёт даже имеется соответствующая Доктрина. В действительности же большие государственные средства поддержки сельского хозяйства (в данном случае 41,24% стоимости комплекса) «перекачи-

ваются» крупным предприятиям, фирмам, их различным объединениям и их хозяевам, лишая этим поддержки и помощи малый сельский бизнес и семейных фермеров.

Пример семейной животноводческой молочной фермы можно взять из реализуемой в настоящее время (и одновременно!) ВЦП МСХ РФ «Развитие семейных животноводческих ферм на базе крестьянских (фермерских) хозяйств на 2012–2014 годы». С 2013 г. программа действует как часть Госпрограммы развития сельского хозяйства до 2020 г. В ней стоимость типовой фермы на 100 голов коров составляет 36 млн. руб., из которых собственные средства фермера должны быть 40% или 14,4 млн руб. при сроке окупаемости проекта 8 лет. Из этого следует, во-первых, что стоимость 1 скотоместа составляет всего 360 тыс. руб. или в *1,583 раза меньше*, чем при строительстве ЖК в с. Позариха. Фермы на 1190 голов стоили бы 428,4 млн рублей вместо истраченных на ЖК 679 или *на 250 млн. руб. меньше*. На эти средства можно было бы дополнительно построить семь ферм с поголовьем 700 голов. Во-вторых, только для возврата 14,4 млн рублей (заёмных) за 8 лет необходимо иметь чистую прибыль в 150 тыс. руб. в месяц, а заработок фермера при этом должен быть в среднем не менее 200–230 тыс. руб. в месяц.

Таким образом, типовой проект семейной животноводческой фермы в России предполагает именно такой размер дохода фермера (заработка), что примерно в 10 раз больше среднего заработка работников животноводческого комплекса в с. Позариха Св.о.и всех остальных в России.

Отсюда, государство на затраченные им из бюджета средств на ЖК 280 млн рублей смогло бы построить ещё 13 семейных ферм с поголовьем в 1300 коров и имело бы на селе (и на сельской территории) ещё *13 богатых семейных хозяйств (и сельских семей)* с высоким доходом и высоким уровнем их жизни. Развитие животноводства через массовое семейное фермерство и его кооперацию позволило бы заселить сельские территории богатым сельским населением, а не бедным «сельским рабочим людом», которое уже трудно найти на селе. Во многих

регионах местное население интенсивно «заменяется» на приезжее (на мигрантов, как говорят при этом: *российское село «меняет своё лицо»*). Такое положение уже характерно для Калужской и других областей центральной России, и других мест [2].

Приведённый сравнительный анализ вариантов полностью показывает преимущества КСФ над КСХО. Однако, на 2014г. в Свердловской области планируется (по Программе!) ввести в эксплуатацию до 40 ЖК и только по 3 семейные животноводческие фермы ежегодно до 2020 г. *Попробуйте объяснить – почему?*

Крупные животноводческие комплексы и предприятия создают также «крупные» экологические проблемы своими неэффективными с этой точки зрения производствами, загрязняя окружающую их среду, заражая её отравляющими веществами, патогенными микроорганизмами, резко снижая качество жизни и здоровье окружающего их населения.

Подобные последствия мы наблюдаем на примере свиного комплекса «Уральский» в Свердловской области, который отравляет на многие километры и на годы территорию вокруг себя свиным помётом. Из расчёта его годовой численности в 200 тыс. голов количество свиного помёта в сутки составит до 1000 т. Для их утилизации «методом *рассредоточения по площади*» потребуется ежедневно до 2,5 га новой под «его свалку» земли. На три года утилизации его (по санитарным требованиям) необходимо будет до 7,5 тыс. га земли, которая будет постоянно завалена естественно разлагающимся свиным помётом как открытый *полигон вредных биоотходов*. Вне сомнений, это самым отрицательным образом сказывается на экологии вокруг как для природы, так и здоровья местного населения.

К таким же выводам пришла, например, и компетентная американская Комиссия в 2008 г. после многолетних исследований последствий работы крупных (*промышленных*) предприятий в сельском хозяйстве США. Результаты её были доведены до конгресса и общественности, и стали основанием для настороженного отношения к их деятельности со стороны властей, минсельхоза и выданных рекомендаций ему (МСХ) по *сдерживанию их развития* и более тщательного, и

постоянного мониторинга последствий их работы [1, с. 528]. При этом МСХ США усиливает программы *развития семейного фермерства*, увеличения его численности за счёт его дополнительной и разнообразной поддержки, оценивая его по-прежнему основным, определяющим и *главным фактором* для сельского хозяйства и страны в целом.

Предлагаемая нами *система критериев-оценок* уже существующих и возможных технологий и организационно-экономических принципов их работы в условиях рынка и конкуренции позволяет:

– оценивать перспективность и конкурентоспособность той или иной технологии и организации агробизнеса в целом на её основе на СТ;

– улучшать и совершенствовать технологию, её составляющие компоненты и организацию отрасли в целом для достижения подлинной экономической безопасности населения и высокой конкурентоспособности сельской экономики и её продукции на мировом рынке;

– формулировать новые требования к инновационной технологии производства сельхозпродукции в рамках наступающей экологической *«зелёной экономики»* СТ.

Так, в частности, приведённый в примере проект семейной животноводческой фермы (в рамках ВЦП) не может служить в качестве типового даже на настоящий момент, не говоря уже о перспективе до 2020г. Он безусловно не является инновационным и уже сейчас характеризуется крайне низкими показателями и *отсталыми решениями*, несмотря на его безусловное превосходство над ЖК. Например, затраты на строительство фермы и организацию технологии ухода за животными, кормления, поения, уборки отходов, вентиляции и освещения помещений и т.п. являются *отсталыми, неэффективными и очень затратными*. Всё оборудование и оснащение фермы, кроме доильной установки и танка-охладителя общей стоимостью в 5,5 млн рублей, может быть реализовано на совсем другой технологической основе и принципах организации производства, и в Свердловской обл. есть уже работающие по ним примеры и образцы. Так, например, в них нет даже традиционной для животноводства проблемы

уборки навоза, т.е. системы навозоудаления, жижеборника и т.п., и его вывоза на поля.

При этом затраты на одно стойломесто оцениваются всего в несколько десятков тыс. руб. (до 50–70), снижая многократно общие капиталовложения на развитие молочного животноводства, сроки окупаемости и себестоимость его продукции, резко повышая её эффективность и конкурентоспособность на рынке. Именно такие инновационные технологии должны использоваться и совершенствоваться дальше, обеспечивая первенство на всех рынках их продукции. Эта технология реально уже в нынешнем работающем варианте позволяет иметь себестоимость производства молока менее 10 руб./литр, т.е. почти в два раза ниже действующей её средней по области величины, освобождая при этом бюджет области от системы доплат за его производство. Трендом такого перспективного и инновационного направления животноводства может стать даже *призыв: меньше машин, меньше механизмов – всё должно быть проще и естественней*. Как известно, догонять лидеров надо, не двигаясь за ними вслед, а *надо идти им наперерез!* Т.е. действовать нетрадиционно или по-современному – инновационно!

Только развитие инновационных и *низких по капиталоемкости* технологий животноводства в семейном фермерстве позволит стране (государству и населению) найти в достаточном количестве необходимые для этого средства и динамично развиваться. Только такая цель развития общества может быть признана для государства и властей всех уровней *экономически целесообразной и единственно социально правильной*. Нельзя признать единственной целью для государства как производство достаточного количества собственного продовольствия, невзирая на его качество и цену, а также на уровень доходов и жизни его производителей. И никакой якобы достигаемой при этом *«продовольственной безопасностью»* страны или региона это положение не оправдать.

Предлагаемая *система анализа и оценок* также может использоваться при оценке мероприятий уже действующих Программ развития сельских территорий и АПК, а также всей Программы в целом для анализа возможных её результатов

и последствий (в Свердловской области – это «Уральская деревня»). И главное – она может использоваться для выбора и обоснования сценария социально-экономического развития России в тех или иных условиях и в её регионах.

Именно она позволяет обосновать наш выбор в пользу КСФ и *предложить соответствующий организационно-экономический механизм* их использования для инновационного и устойчивого развития АПК и СТ России в нынешних условиях и на перспективу. Уже достигнутые практические результаты современного фермерского животноводства свидетельствуют о возможности такого пути развития российского АПК. Семейное фермерство может, как и везде в мире, стать основой, например, мясной подотрасли по производству говядины и конины и других видов, их полной переработки и торговли мясной продукцией, и её экспортом [2].

Так для производства требуемого стране молока в количестве 50 млн. т в год при средней продуктивности коров в 5 000 л/год необходимо их стадо в 10 млн. голов или 100 тысяч семейных ферм. При более высокой продуктивности животных избыток молока должен поставляться на экспорт в виде разнообразной молочной продукции. Уже при надоях в 10 000 л/год (это даже ниже ныне его среднего уровня в развитых странах) в России будет производиться дополнительно к собственной потребности молока до 50 млн. т в год, что и может составить *его экспортный ресурс*. Для обеспечения кормами животных надо 15–20 млн. га сельхозугодий и пашни, т.е. совсем немного по нашим масштабам и имеющимся природным возможностям.

Мясная подотрасль может быть полностью и изначально ориентирована на максимальное использование имеющихся свободных и неиспользуемых в настоящее время земельных и сельхозресурсов в *сотни млн га*. К ним можно отнести обширные пастбищные и покосные земли с обильными естественными травостоями средней и северной части (полосы) России от западных её границ и до Дальнего Востока, включая Сахалин и Камчатку. Речь идёт в первую очередь о лесостепной, лесолуговой и болотистой зоне с продуктивностью там трав, в 6–9 раз

превосходящей продуктивностью пастбищ традиционного животноводства степной и полупустынной зон. Так по данным национальной ассоциации скотопромышленников России в Пензенской области продуктивности этих угодий *с 1 га достаточно для выращивания 1 головы мясного скота.*

При этом травы здесь отличаются высокой сочностью, продуктивностью и обеспечивают получение в режиме нагула (пастьбы) самого высококачественного мяса, превосходящее мясо более южных областей с сухим климатом и импортное мясо из тропиков. Таким образом, эта часть России обладает наибольшими и наилучшими в мире естественными кормовыми природными ресурсами трав наряду с США, Канадой и Северной Европой, но которые уже стали признанными лидерами в производстве и экспорте говядины мясных пород скота. При этом стадо в США достигает 90–100 млн. голов, в Канаде – 15 млн голов, в странах Северной Европы – до 60 млн. голов. Лидерами же в мире являются тропические страны: Бразилия – свыше 200 млн голов, Китай – свыше 150 млн голов, Индия – свыше 130 млн. голов. Всего стадо мясного скота на планете – около 1,5 млрд голов. В России оно едва достигает 1,5 млн голов. Продуктивность пастбищ значительно (порой в разы) повышается за счёт их окультуривания или залужения неиспользуемых сейчас земель и даже *пашни*. В Европе такой процесс интенсивно идёт при поддержке государств и многие страны, например ФРГ, стали в последние годы *экспортёрами говядины.*

Наши фермеры полностью освоили данные технологии и на восстановление и окультуривание пастбищ требуются небольшие капиталовложения, притом за первые 1–2 года, а на последующие 15–20 лет уже не надо. Таким образом, на 100 млн га пастбищ и покосов можно содержать высокопродуктивное мясное стадо до 100 млн голов. При забое ежегодном 50 млн голов может быть получено до 15 млн т. мяса и мясных субпродуктов. Для внутренних потребностей стране достаточно 4,5–5 млн. т, а остальное, не менее 10 млн т, составят *экспортный ресурс*. Для выращивания такого количества скота на семейных фермах их потребуется *около 200 тысяч*. Т.е. уже первый этап развития семейного фермерства может потребовать организации до 300 тыс. таких хозяйств. Располагаясь вне

с.н.п. или в ранее уже «заброшенных», они при этом будут по количеству в 2 раза больше числа нынешних с.н.п. и соответственно резко поднимут в целом *заселённость СТ России*. Пастбища и покосы при этом регулярно подкашиваются для получения сена на зимний период содержания скота и свежей постоянно отрастающей травы-отавы для выпаса скота и его нагула. Они весь бесснежный период года представляют собой густой и зелёный свежий травяной ковёр с пасущимися на нём стадами животных. Природопреобразующая (облагораживающая её) роль такого экологически чистого животноводства и выращивания качественного мяса с пастбой в режиме «*корова-телёнок*», т.е. «*режима подсоса молодняка*» в течение до 6–8 месяцев, очевидна. Нет здесь и проблем капиталоёмкости строительства различных построек и уборки навоза с его вывозом. При этом весь навоз полностью (и без затрат) попадает на поля *естественно*, туда где и выращивается основной и главный корм для животных – свежая трава.

Но в России под такие пастбища можно выделить гораздо большие территории – до 200–300 млн. га и возможно более. Но мясопродукция с них должна будет *полностью поступать на экспорт*, а Россия сможет стать крупнейшим производителем и поставщиком её в мире – до 40–50 млн т/год. Это может быть задачей развития *второго этапа* с доведением количества фермеров-скотоводов соответственно до 400–600 тыс. хозяйств. При этом плотность заселения СТ ещё больше возрастёт, а страна превратится в бескрайние простоты ухоженных и круглый год зелёных пастбищ с сотнями млн. голов пасущегося на них скота. Реальна ли такая задача? Скорее да, чем нет, и это к 2030–2035 гг. Кстати, уже сейчас количество семейных животноводческих ферм в США составляет около 700 тысяч. Так что задача представляется вполне решаемой. Валовой продукт такой мясной подотрасли в 50 млн. т/год может составить до 350–500 млрд долл. в год. И молочная подотрасль может дать также экспортный продукт до 100–150 млрд долл. с общим их потенциалом до 600 млрд долл., что составляет около четверти нынешнего ВВП страны в целом. *Таков инновационный потенциал СТ РФ.*

Именно такие задачи и цели следует ставить при определении сценариев социально-экономического развития России в её сельском секторе экономики. Такими цифрами вряд ли уж кого и удивишь в мире. Например, соглашение стран ВТО (и Россия её член) в Бали в 2013 г. ставит целью организацию производства продовольственных товаров преимущественно в развивающихся странах объёмов до 1 трлн. долл. в год и создание 20 млн. новых рабочих мест для этого. И эти товары поступят на мировой рынок, усиливая там их конкуренцию. Наши возможные 500–600 млрд долл. вполне с учётом наших природных возможностей вписываются в эти цифры. Важно всё это сделать вовремя и не отстать ещё более и наоборот занять на мировом рынке продовольствия соответствующее нашим возможностям положение. Так на Петербургском МЭФ от представителей Азии прозвучал призыв к России производить на экспорт больше продовольствия, т.к. «избытка его там не наблюдается».

1.5. Кооперация фермерства как обязательное условие его коммерческого успеха

При этом важно выбрать правильную стратегию развития фермерства в выращивании скота, его переработки на готовую мясопродукцию и торговле её в России и поставках на экспорт. Наиболее подходящей и исторически проверенной формой организации такой подотрасли является кооперативная, когда на основе семейных ферм создаются различные кооперативы в указанных сферах мясного комплекса: производственные, снабженческие, перерабатывающие, торговые, племенные, кормовые и т.п., принадлежащие самим фермерам и только им. Такая форма кооперации была успешно использована ещё во времена столыпинской агрореформы (с 1907 г.) при создании и в работе известного Союза сибирских маслодельных артелей (ССМА), объединявшего от начала производства молока и до экспорта готового масла за границей несколько сотен тысяч сельских хозяйств (по разным данным до 150 тыс. и более) в пяти сибирских губерниях от Зауралья и до Енисея. Семейные хозяйства объединялись в артели, создаваемые на основе маслодельных заводов, которых насчитывалось до 1,5 тысячи. Далее эти местные артели уже объединялись в Союз в рамках всей Сибири, основной

целью которого был сбыт масла и его экспорт в Европу. Эту идею разработал, защитил её проект в правительстве тогдашней России, добился поддержки П.А. Столыпина и успешно осуществил курганский купец А.Н. Балакшин. Возникшие тогда повсеместно маслодельные кооперативные артели вели жёсткую борьбу на рынке с капиталистическими заводами многочисленных купцов и добились победы над ними, не выдержавшими конкурентной борьбы, за счёт высокого качества продукции и более низких цен. Это средство обеспечило также победу и на мировом рынке. Высокое качество продукции и невысокие цены на него – *проверенный во времени ключ к успеху на рынке*. Необходимая для этого низкая себестоимость продукции была следствием дешевизны и обилия в Сибири естественного и высококачественного корма для животноводства в виде *тех же местных пастбищ и покосов, и травостоев*. Это было уже преимуществом и достоянием сибирской природы и её обилием, чем российское крестьянство тогда сполна воспользовалось. Итогом стало массовое *обогащение сельского населения Сибири* и всего края в целом, а также высокие доходы и государственной казны Российской империи – с 1910 г. её бюджет стал профицитным (!) [10, с. 640].

Эта передовая для своего времени форма и принципы организации сельхозпроизводства от начальной его стадии и до сбыта готовой продукции впоследствии неоднократно тиражировалась другими, возникали в мире и работают успешно подобные объединения и союзы: финский молочный концерн «Валио», новозеландский «Анкор» и др., основанные на собственности их фермеров. В Финляндии – это более 10 тыс. семейных молочных ферм – владельцы «Валио».

Таким обр., основой мясной подотрасли (мясного кластера) российского АПК должны стать кооперативы семейных фермеров-скотоводов, обеспечивающих наиболее эффективную их работу и взаимодействие в выращивании скота, его забое, переработке на готовую продукцию и торговле ею. Такие кооперативы должны создаваться как начальные и исходные структуры сельской кооперации на уровне сельских поселений и на муниципальном уровне. Он может представ-

лять собой своеобразный модуль – основу последующей вертикальной кооперации с объединением их в более крупные кооперативы на уровне сельских муниципальных образований и далее до регионального и межрегионального уровня или далее до специализированных национальных концернов. Важнейшей целью такого кооперативного движения должно, как и сто лет назад, стать исключение (и недопущение) из АПК различного рода посредников, оптовиков и других «перекупщиков» сельского продукта и «*сельского труда*» соответственно. Прибыль, создаваемая в сельском хозяйстве должна полностью принадлежать её производителю и создателю, и за этим должно строго следить государство и обеспечивать это. Такая организация АПК – единственно возможный источник высоких доходов сельских производителей и мелких собственников, который и обеспечивает стране продовольственную безопасность, качество и экономическую доступность питания и заселение СТ. Стратегия и практика её реализации в случае ССМА полностью подтвердила это ещё 100 лет назад.

1.6. Агрородок фермеров – основа современного российского села

При этом возникает вопрос: что может быть социально-организационной основой развития села и СТ в целом? Такой основой может быть именно *агрородок фермеров* (АГФ), а не просто обычный сельский городок (посёлок) или тот же агрородок известного «*социалистического типа*», заселённый сплошь наёмными сельскохозяйственными работниками, как правило, одного крупного хозяйства. Отсюда следует полная зависимость его работников и жителей такого агрородка от экономического успеха (или неуспеха) одного хозяина, что очень рискованно для каждого в рыночных условиях. Кстати город, особенно большой, тем и хорош – возможностью большого выбора всего необходимого для жизни и работы. Так в «*аграрных соцгородках*» можно ещё «*как-то жить*» при плановой или «регулируемой» как, например, «*белорусская*» экономике, и где они широко распространены.

Почему *агрородок*? Потому, что существуют социальные нормы развития общественной инфраструктуры, зависящие от количества жителей, да и есть про-

сто *экономическая целесообразность*. Смотрите, например, приложения к комплексной программе социально-экономического развития села и сельскохозяйственного производства Свердловской области «Уральская деревня»: там ясно видно, что преобладающему большинству уральских сельских населённых пунктов в виду их преобладающей малочисленности в социальном плане развития, как говорится, *«ничего не светит»*. Содержать в селах малочисленные школы очень дорого и совершенно не оправдано ни экономически, ни просто «по-человечески». Они будут неконкурентны ни по одному показателю. Аналогично обстоит дело и с сельской медициной. И так далее: внешкольное образование, детские сады, спорт, разные увлечения, отдых и т.п. – всё, что нужно для современного человека. Всё это недоступно по нормам и по затратам малому и среднему сельскому населённому пункту. Село, особенно небольшое, а таких сейчас преобладающее большинство, – это *реальный социальный тупик развития села в настоящее время!* Исчезновение их естественно, необратимо и свидетельствует, что в целом экономический процесс идёт всё же в нужном направлении, т.е. как и во всём мире доля сельского населения у нас сокращается. Это результат быстрого роста производительности труда в сельском хозяйстве, который, например, в США за последние 50 лет увеличился в 12 раз и интенсивно продолжается [11, с. 6–12].

И совсем уж село ещё с советских времён не является *территорией повышенной рождаемости*, а даже наоборот, именно с «советского села» всё и началось – её упадок в связи с оттоком в город молодёжи. Желанного для страны решения демографической проблемы на селе точно нет и не будет. И ставка на неё – в целом бесперспективная и необоснованная задача.

Минимальные социальные нормы, а это главное – средняя школа и больница как составная часть большой лечебной системы региона, возможны, начиная с агрогородка, по социальным нормам, численностью от 2–2,5 тыс. жителей и выше. Но главное, он должен иметь развитую и процветающую экономику. Для этого в нём до половины и более населения должны быть семьи фермеров и сельских предпринимателей, принадлежащих по уровню доходов на члена семьи к

среднему классу, т.е. своих коллег в развитых странах Западной Европы, Северной Америки, Австралии и др. Приходящийся на них (планируемый властями) среднедушевой продукт должен быть сейчас не менее 40–50 тыс. долл. – год/чел. с ростом к 2020 г. в два и более раза, с тем, чтобы достигнуть нынешний уровень доходов сельского населения США, состоящего преимущественно из преуспевающих фермеров [11, с. 6–12].

Это также полностью соответствует термину «высокопроизводительное рабочее место», на создание которых ориентирует программа и Указ Президента РФ. Выработка такого работника должна быть в год на уровне более 3,5 млн руб., а заработная плата (или доход фермера) при этом должна составлять до 1,5 млн руб./год и более. Важно отметить, что современные фермеры России уже достигают таких показателей и в них нет ничего нереального. Президент поставил эту своевременную задачу как важнейшее условие нашего общественного развития современными и экономическими средствами.

На рис. дана зависимость валового продукта такого агрогородка фермеров ВПагф от среднедушевого продукта СД экономически активного населения и членов их семей, и от численности этого населения H . Зона «абгв» как раз и представляет собой эту величину в результате перемножения указанных по осям показателей АГФ. Так точка «д» – это валовой продукт АГФ при его численности в 2500 человек экономически активного населения и их среднедушевого валового продукта в 60 тыс. долл. – год/чел.

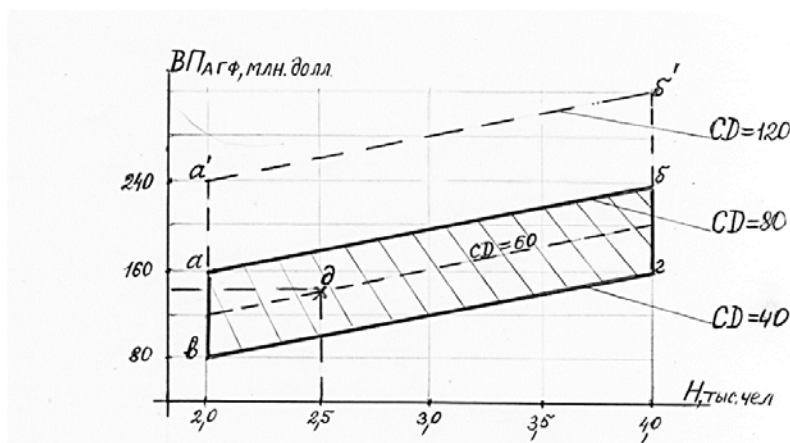

Рис. 1. Зависимость валового продукта ВПагф агрогородка фермеров от среднедушевого продукта СД (тыс. долл./год) и численности населения H

Линия «аб» соответствует валовому продукту при среднедушевом его значении в 80 тыс. долл.-год, а линия «вг» - при 40 тыс. долл.-год. Необходимо, чтобы проектные и реальные показатели инновационно развивающейся экономики АГФ были в зоне «абгв».

Валовой продукт АГФ можно выразить также формулой:

$$ВП_{агф} = (40 - 80) \text{ тыс. долл.-год./чел.} \times N,$$

где: ВП агф – валовой продукт АГФ, в тыс. долл.-год;

N – численность экономически активного населения АГФ, человек.

Например, в 2014 г.: 40 тыс. долл.-год/чел. \times 1000 чел. = 40 млн долл.-год или 1,32 млрд руб. и более;

в 2020 г.: 80 тыс. долл.-год/чел. \times 1500 чел. = 120 млн долл.-год или 4,0 млрд руб. и более;

в 2025 г.: 100 тыс. долл. – год/чел. \times 1500 чел. = 150 млн долл.-год или 5,0 млрд руб. и более.

Развиваясь таким образом и темпами, сельские территории России могут по доходам их экономически активного населения к 2020 г. догнать и перегнать западную Европу, а к 2025 г. и США, и Россия, наконец-то, сможет стать страной самых богатых в мире фермеров.

Зона «абгв» графика может быть своеобразным государственным стандартом при разработке Программ и бизнес-проектов устойчивого развития сельских территорий регионов и их муниципальных образований. Это позволит производить их оценку, сравнение между собой и их соответствие требованиям времени, оценивать планируемый уровень доходов и жизни сельского населения, конкурентоспособность и т.п.

Для достижения требуемого валового продукта агрогородка необходимо отобрать на стадии его бизнес-проекта виды и объёмы различных отраслей фермерского производства и предпринимательства, исходя из природных возможностей данной территории, региона и других экономических условий, а их много [7]. К такому АГФ должна прилегать сельская территория примерно, в среднем, около 100–200 тысяч га полей и лесов или участок в целом территории (40х40)

км, где и размещаются все сельские фермы и другие малые предприятия и производства [9, с. 14].

При этом важен принцип *«соответствия проектируемого ВПагф зоне «абгв» и стремления его величины к её верхней границе» «аб»*. Валовой среднедушевой продукт при этом должен рассчитываться по бизнес-проектам различного по видам деятельности инновационного предпринимательства, фермерства и его кооперации. Только реальные достижения науки и передовой мировой практики, доведённые до стадии бизнес-проектов семейного фермерства, которые будут кредитоваться банками и специальными программами развития, способны решить задачу инновационного развития сельских территорий и их агропромышленных, и социально-коммерческих комплексов.

Для уверенного движения России и её регионов по пути инновационного развития и достижения передовых позиций в мире, например, на сельских территориях надо за 10–12 ближайших лет необходимо реализовать около 1,5 млн таких бизнес-проектов малого сельского бизнеса (семейных ферм) с валовым продуктом на душу ЭАН к 2025 г. не менее 100 тыс. долл.-год и общим валовым продуктом сельских территорий не менее 150–200 млрд. долл.-год. Это несколько меньше, чем имеет нынешнее сельское хозяйство США, но впереди ещё почти 12 лет работы. А вспомните, например, сколько успел сделать П.А. Столыпин только за *«свои» пять реформенных лет в гораздо более сложных условиях.*

Нетрудно показать, что для подготовки 1,5 млн. бизнес-проектов за 10–12 лет в регионах, например в Свердловской области, потребуются подготовить до 3 тыс. фермеров в год (до 2020 г.), а затем по 5 тыс. фермеров в год (до 2025 г.), что представляется вполне разрешимой задачей для системы профессионального аграрного бизнес-образования. Тем более, что президентская программа «25 млн ВПРМ до 2020 г.» предлагает гораздо более высокие темпы развития и их создания. Важно также и то, что она является комплексной програм-

мой инновационного развития экономики и производства, где в качестве основной цели ставится резкий рост уровня доходов граждан на основе адекватного роста производительности их труда.

Задача государства и региональных властей максимально способствовать реализации графика по рис., что может быть обеспечено только выполнением целого комплекса мер инновационного плана и их соответствующего финансирования. Это может быть осуществлено в виде различного рода программ, основанных на реализации конкретных бизнес-проектов со всеми свойственными этапами, включая добротный финансовый план, который может быть принят банком для их кредитования на условиях возвратного кредита.

Ввиду того, что результатом труда фермеров является *первый и главный продукт страны – продовольствие* и они выполняют *важнейшую социальную функцию*, государство может гарантировать сельским территориям полную поддержку, помощь и партнёрство в решении их важнейших общих задач. Государство должно всемерно участвовать в финансировании развития инфраструктуры сельских территорий и их социальной сферы на основе развития агрогородков фермеров. При этом требуемое количество их может составлять для всей страны несколько тысяч (до 4–5) и будет многократно меньше нынешних с.н.п. в количестве 143 тысяч – совершенно «неподъёмных» для бюджета, исходя только из их большого количества и преобладающей их малочисленности.

В состав сельского населения входят не только фермеры и предприниматели, но и пенсионеры, дачники, работники наёмного труда различных сельских предприятий, бюджетники и др., а также граждане, имеющие и ведущие личные подсобные хозяйства (ЛПХ). По сравнению с высокотоварным и высокоэффективным фермерским производством и их кооперативами ЛПХ являются низкотоварными или, вообще, обеспечивают только пропитание сельских семей и отчасти их городских родственников и товарной продукции на рынок практически не создают. Нам представляется, что в научной литературе и в различных исследованиях их роли на селе придаётся излишне большое и не обоснованное значе-

ние, а иногда их приравнивают необоснованно к фермерству. Они играют важную роль, поддерживая численность сельского населения и заселённость сельских территорий, обеспечивают собственное питание и существование, чуть отодвигая его от грани бедности или нищеты, но не более того – будущее здесь только за эффективным семейным фермерством.

Однако сейчас при невысокой товарной производительности даже крупных нынешних сельхозтоваропроизводителей продукт сотен и тысяч таких ЛПХ граждан может давать соизмеримый с ними по объёму продукт или даже превышать его как, например, по производству картофеля. Миллионы ЛПХ, выращивая картофель на своих 10–50 огородных сотках, дают больший его урожай, чем все крупные хозяйства в стране. Но этот факт лишь только затушёвывает и искажает ситуацию и проблему. ЛПХ не смогут, как и везде в мире, быть конкурентом развитому инновационному фермерству: они только смогут поначалу сотрудничать с ним в рамках участия в возможных сельских кооперативах, а затем будут вытеснены с рынка и смогут остаться только истинным ЛПХ, производя высококачественные продукты для собственного питания и экономя на этом денежные средства пенсий, низких зарплат и других социальных пособий сельских жителей.

Однако при наличии всех этих категорий сельского населения численность агрогородков фермеров может быть больше 2–3 тыс. человек и достигать 5–7 тысяч и даже больше. АГФ «в чистом виде» могут возникать на новых сельских территориях или уже на заброшенных сейчас сельхозпроизводством землях. Таких в стране насчитывают уже свыше 40 млн га. В Свердловской области это могут быть также обширные восточные, северные и северо-западные её территории лесолуговой зоны и пойм рек, которые ранее совсем не использовались. Таким образом, речь должна идти не только о восстановлении использования пашни и других бывших сельхозземель, а о значительном их расширении повсеместно.

АГФ – это также наиболее приемлемая экономическая и социальная *форма* *частно-государственного сотрудничества* малого сельского (микро) бизнеса,

сельского населения и государства [9, с. 14]. Такие агрогородки с прилегающими к ним сельскими экономическими зонами-территориями и их самоуправлением с расположенными на них 1,5–2 млн ферм и малых предприятий более «плотно» (в 10 раз больше!) покроют всю территорию страны, чем существующие в настоящее время 143 тыс. сельских населённых пунктов разного калибра, на которые у государства никогда не будет достаточных средств, чтобы привести их даже в «божеский вид», и, тем более, развить там какую-то эффективную экономику, социальную сферу и инфраструктуру.

Вместо этого на сельской территории России может быть 4–5 тыс. АГ фермеров с прилегающим к ним сельскохозяйственными и лесными землями в среднем в 100–200 тыс. га и их «общими цифрами»: сельское население страны – до 7–9 млн человек и до 300–400 млн га используемых ими земель сельскохозяйственного назначения и плюс 200–300 млн. га земель лесных угодий (из имеющихся 840 млн га). И вся страна при этом будет «под присмотром», «в деле», ухожена, контролируется, управляема и ... *самофинансироваться*, по крайней мере, в основном, уже через 7–9 лет. Это ли не *цель инновационного развития*? И 7–9 млн человек сельского населения – самого богатого в мире в результате? И на всей сельской территории будет: развитая сеть собственных сельских (*экономических*) дорог и система малой (местной) авиации; собственная биоэнергетика и автономное энергообеспечение на её основе; собственное экономичное сельское строительство; зона здорового образа жизни семей, спорта и массового сельского туризма. Это будет сельская экономика эффективного инновационного аграрного малого (и микро) бизнеса и процветающая сельская социальная сфера [9, с. 14]. Так село, становясь агрогородком богатых фермеров и сельских предпринимателей, догонит и в чём-то даже и перегонит настоящий большой город, а по *среднему уровню своих доходов* – обязательно.

Ввиду малой численности будущего сельского населения, оно не естественно будет играть заметной роли в решении демографической проблемы страны, но рождаемость там будет высокой, так как это будет следствием *высокого уровня и здорового образа жизни населения*. Но главное, с этих территорий

будут выходить в жизнь *настоящие граждане страны – собственники природных ресурсов*, знающие себе и природе цену, и имеющие важную жизненную опору в виде своих семей и сплочённых (кооперированных) сельских социумов – агрогородков как малой их Родины.

Важное место в развитии сельской экономики и АГФ играет природно-экономический потенциал сельских территорий и возможность, эффективно используя его, «попасть» с потенциальным ВПагф в зону (абвг). Оценка и определение этого потенциала на стадии бизнес-проектирования развития является важнейшей задачей, состоящей из большого числа вопросов, моментов и факторов научно-прикладного характера. Такой потенциал – база проекта. В целом, это большой и самостоятельный вопрос, выходящий за рамки данного материала. Собственно, им конкретно мало занимались и мало занимаются сейчас. Понятно, что каждая Программа того или иного развития строится на основе некоего анализа ситуации, состояния, возможностей, ресурсов и т.п., т.е. потенциала [11, с. 6–12]. Но именно эта их часть в настоящее время наиболее, как правило, *декларативна и научно не обоснована* и часто «строится на мифах».

Отсюда и планируемые результаты: они или *минимальные* и сразу же никого не устраивают (т.е. так называемый «пессимистический вариант» или «экстенсивный» и т.п.), или *удовлетворительные* (в различных «оптимистических» вариантах или «интенсивных»), но очевидно сразу же, что они не достижимы и не реальны. Примером может служить не выполняемая на сегодня программа «Уральская деревня». Сейчас приняли её новую редакцию – «Стратегию развития АПК Свердловской области до 2020 г.» с показателями более чем сомнительными (т.е. крайне низкими) и то же с разными «*вариантами*».

Научно-обоснованная методика оценки экономического природного потенциала сельских территорий и конкретных муниципальных образований регионов должна ещё состояться и сложиться как научная дисциплина. И лучше всего делать это следует в ходе реального бизнес-проектирования конкретных АГФ пусть вначале в малом количестве, в так называемых их пилотных проектах. Но в результате этого мы будем иметь за достаточно короткое время надёжную и

апробированную научную систему сельского бизнес-проектирования, учитывающую многообразие природно-климатических, человеческих и других параметров, факторов и вариантов. Но ею надо будет овладеть, чтобы уверенно прогнозировать, планировать и управлять инновационным развитием села и сельских территорий в целом.

К примеру, валовой продукт сельских предприятий РФ, если один работник, занятый на ВПРМ, создаст продукт в 4,0 млн руб. в год или 115 тыс. долл., то 1 млн. таких работников создадут ВП годовой в сельхозотрасли в 115 млрд долл. или 5–6 трлн. руб. Отсюда, 2 млн работников создадут вдвое больше или 230 млрд долл. и 10–12 трлн руб.

Если доход (или зарплата фермера) при этом составит 40% или 2–2,5 трлн руб. (при 5–6 трлн руб. ВВП), то только подоходный налог в 13% с этой «сельской зарплаты» даст бюджетам разного уровня около 260–330 млрд руб. Плюс ещё отчисления в фонд обязательного социального страхования, плюс налог на прибыль.

При ВП = 10–12 трлн руб. эти налоги удвоятся. И в целом сельские микро-предприятия фермеров, и их семейные кооперативы будут в преобладающей своей массе прибыльными, высокодоходными и высоко конкурентными на рынке.

1.7. Агрородок фермеров «Артёмовский» в Свердловской области

Примером такого бизнес-проекта развития сельской территории на Урале на уровне муниципального образования может служить проект «АГФ «Артёмовский» с оптово-продовольственным рынком», разработанный нами и предлагаемый вниманию [9, с. 14].

В Артёмовском городском округе Свердловской области имеется большое количество неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения, бывшей пашни и других свободных и пригодных для эффективного использования и применения в различных видах аграрного производства в том числе инновационного характера. В окрестностях города и в соседних с ним сельских населённых пунк-

тах есть развитая сеть дорог с твёрдым покрытием областного и местного значения, энергосети со свободными и неиспользуемыми мощностями, природный газ, свободные трудовые и другие ресурсы. Однако молодёжь, включая выпускников сельскохозяйственных вузов и других сельских специальностей, не стремится к работе на селе ввиду *крайне низкой зарплаты и доходов*, сложностей в создании и развитии собственного предпринимательства и многих очевидных рисков. Тем не менее, ограниченный круг фермеров, предпринимателей, владельцев личных подсобных хозяйств имеется и даже число их немного и постепенно растёт.

Проект имеет своей целью также развитие сельского фермерства и предпринимательства среди казачества и его объединений, в частности казаков станицы «Егоршинская» (г. Артёмовский), а также подготовленной вузовской молодёжи и молодых специалистов села с предоставлением им возможности, и поддержки в их сельском предпринимательстве и в достижении ими высоких доходов и качества жизни в условиях агрогородка, приближенного к городским условиям.

В г. Артёмовском и в непосредственной близости от жилого посёлка будущих фермеров находятся: новая (сдана в эксплуатацию в 2013 году) школа-десятилетка (вторая по размерам в области и оснащению), ДЮСШ «Сигнал», дворец культуры им. А. Попова, кинотеатр, железнодорожный вокзал и автостанция, развитая торгово-бытовая сеть предприятий и фирм, реконструируется стадион «Локомотив» с футбольным полем с искусственным покрытием и другие объекты социального и общественного назначения. Будущий агропосёлок фермеров и его население будут пользоваться таким образом всеми городскими удобствами, а сами они дадут ощутимый импульс к развитию города Артёмовского, его экономики и всего округа.

Главная цель проекта: инновационное и устойчивое развитие сельских территорий Артёмовского ГО и формирование преуспевающего среднего сельского класса из числа фермеров и сельских предпринимателей с доходами на уровне аграриев ведущих стран мира и в соответствии с программой «25 млн ВПРМ».

Бизнес-проект рассчитан на привлечение в него казаков станицы «Егоршинская», а также других жителей города и окружающих сел и поселений, включая выпускников аграрных и других вузов, молодёжи и всех желающих принять участие в его реализации. Отбор участников реализации проекта предлагается проводить на конкурсной основе с отбором наиболее инициативных и подготовленных. Остальные желающие будут по мере своей профессиональной готовности участвовать в следующей стадии проекта или в других подобных проектах в области.

Состав агрогородка фермеров: он включает *жилой посёлок* фермеров, расположенный на северо-западной окраине г. Артёмовского; производственные *хутора* (до 10 ед.) на территории городского округа в радиусе 10–20 км, где будут находиться фермы и другие предприятия сельского бизнеса; *технопарк* вблизи жилого посёлка, где будут сосредоточены предприятия переработки сельхозпродукции и другие объекты кооперативной собственности фермеров; оптово-продовольственный *рынок* «Перекрёсток» и другие объекты.

Первая очередь агрогородка рассчитана на 250 фермерских хозяйств (в том числе семейных казачьих ферм). Численность населения городка составит около 1000–1200 человек. Годовой объём производства и реализации продукции – до 1,5–2,0 млрд руб. Размещение агрогородка фермеров (его жилого посёлка и технопарка) на окраине города Артёмовского позволит использовать его социальную и инженерную инфраструктуру и обеспечит по сути городской уровень жизни фермеров без дополнительных инвестиционных затрат на эти цели. В этих условиях высокие доходы фермерских (и казачьих) семей обеспечат реально как высокий уровень их жизни, так и её комфорт. Агрогородок фермеров при этом будет располагаться на областной автодороге на расстоянии в 100 км от Екатеринбурга с его более развитой городской инфраструктурой и большими социально-экономическими возможностями для фермеров и их семей.

Производственные объекты на хуторах (фермы и др.) будут (могут) обслуживаться вахтами или в посменном режиме и находиться под постоянным ви-

деоконтролей дежурной службы кооператива фермеров. Оптово-продовольственный рынок фермерского кооператива призван решить важнейшую задачу сельхозпроизводства и бизнеса – успешную реализацию их сельхозпродукции, включая её экспорт за рубеж. Технопарк – специализированная территория, оборудованная для размещения на ней инновационных и малых предприятий по переработке, хранению и оптовому сбыту готовой продукции (также кооперативная собственность фермеров). Таким образом фермерство не следует планировать (и проектировать) как однозначно социальную форму *«затворничества и уединения»*. Это обстоятельство важно для молодёжи и безусловно полезно в коммерческом отношении, т.е. последовательной и неременной кооперации фермерства.

Все структуры агрогородка: сельский жилой посёлок, фермы, сельский технопарк, рынок сельхозпродукции, включая розничную торговлю ею – всё это объекты, создание и развитие которых уже предусмотрено *Программами разного уровня: от федеральных и до местных*, имеют реальные и узаконенные льготы, разнообразную поддержку и прямое финансирование государственных и других структур и органов, а также различные формы финансирования малого (и микро) бизнеса, включая льготные условия их и специальные гранты.

Фермы и другие сельхозпроизводства, переработка сырья будут созданы на основе самых прогрессивных и высокоэффективных технологий в перспективных и высококонкурентных видах (сферах) сельскохозяйственной деятельности. Отбор этих технологий и обучение им будущих фермеров будет (должно) производиться в специальном *Центре бизнес-обучения и агроконсультирования*, расположенном непосредственно в г. Артёмовском.

К реальной деятельности в качестве фермеров будут отобраны его выпускники, которые защитят *свой бизнес-план*, по сути, *бизнес-проект своей будущей фермы*, перед компетентной комиссией, и получат необходимые кредиты, землю и господдержку своей деятельности, и для участия в проекте. Непопадание всех

желающих в 1-ую очередь агрогородка фермеров позволит им и дальше совершенствовать свой бизнес-план, в том числе и в Центре, и претендовать далее на участие в последующих подобных агропроектах или стадиях этого же.

Настоящий бизнес-проект предполагает своё развитие далее на 2-ом и последующих этапах в Артёмовском городском округе, включая строительство аналогичного агрогородка в п. Красногвардейском, а также и в других сельских муниципальных образованиях Среднего Урала.

Заключение

Такой бизнес-проект как раз и представляет собой один из вариантов реального использования принципов предлагаемого нами нового *организационно-экономического механизма* инновационного развития АПК России и её сельских территорий, опирающегося на его основные элементы:

- высокодоходные семейные фермерские хозяйства, включая казачьи, основанные на инновационных технологиях и конкурентноспособные со своей продукцией на рынке;

- кооперативные объединения семейных фермеров: различные кооперативы, технопарки, оптово-продовольственные рынки и т.п., региональные кластеры (ассоциации) и общероссийские отраслевые союзы;

- агрогородки фермеров (казаков) как организационная основа устойчивого экономического и социального развития и самоуправления сельских территорий: на первом этапе возможно как агропосёлки фермеров на окраине малых городов, например, в г. Артёмовском, а далее как самостоятельные;

- размещение сельских ферм и других производств малого бизнеса на прилегающей к городкам сельской территории в виде производственных хуторов и отдельных объектов (ферм), обеспечивая этим высокую плотность заселения и интенсивное использование ныне бездействующих природных и сельхозресурсов муниципального района (округа) и далее всей области;

- развитая инфраструктура АГФ и прилегающей к ним сельской территории на основе инновационного дорожного строительства, а также экономического

строительства доступного жилья и производственно-коммерческих и общественно-социальных объектов;

– эффективное частно-государственное сотрудничество и партнёрство в эффективном развитии сельских территорий мелких собственников и состоятельного среднего класса в лице фермеров и сельских предпринимателей и муниципальных, и других властей, и государства в целом.

Список литературы

1. Башмачников В.Ф. Возрождение фермерства в России. – Казань: Идеал-Пресс. 2009. – 528 с.

2. Буздалов И.Н. Научно-обоснованная аграрная политика – главное условие обеспечения продовольственной безопасности. – Материалы XIX Международной научно-практической конференции (Никоновские чтения – 2014). – ВИАПИ им. А.А. Никонова РАСХН. – М., 2014. – С. 39–44.

3. Давыдов А.А. Рекомендации, опыт применения технологий мясного скотоводства в крестьянском (фермерском) хозяйстве «ДИК» Калужской области/ А.А. Давыдов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fermer.ru/content/rekomendacii-opyt-primeneniya-tehnologiy-myasnogo-skotovodstva-v-kfh-dik-kaluzhskoy-oblasti>

4. Кузьминов Я.И. Состояние российской экономической науки // Санкт-Петербургские ведомости. – 2.10.2013.

5. Лылов А.С. Развитие сельских территорий: региональный агрогородок фермеров // Агропродовольственная политика России. – 2013. – №5. – С. 37–41.

6. Материалы Госсовета при президенте РФ от 21/04-2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newyouthpolicy.org/ru/articles-ru/220-putin-russia>; <http://www.kp.ru/daily/25833/2807793/>

7. Отчёт об итогах научной и производственной деятельности за 2010 г. РАСХН, ВИАПИ им. А.А. Никонова. – М., 2010. – С. 3.

8. Сёмин А.Н. Основы стратегического планирования в сельском хозяйстве. – Екатеринбург: Уральская ГСХА, 2011. – 272 с.

9. Сёмин А.Н., Карпов В.К., Лылов А.С. Агророгодок фермеров «Артёмовский» с оптово-продовольственным рынком. – Екатеринбург: Уральское изд-во, 2013. – 14 с.

10. Сидоровнин Г.П. П.А. Столыпин. Жизнь за Отечество. – Саратов: ТЕРРА-Книжный клуб. – 2002. – 640 с.

11. Черняков Б.А. Конкурентоспособность аграрного сектора США: полезный опыт для России // Аграрный вестник Урала. – 2009. – №6. – С. 6–12.

Карпов Виктор Константинович – канд. техн. наук, доцент кафедры стратегического и производственного менеджмента института мировой экономики ФГБОУ ВПО «Уральский государственный горный университет», Россия, Екатеринбург.
